

Библиографические ссылки

1. Дипломатический словарь : в 3 т. Т. 1: А–И / редкол. : А. Громыко (гл. ред.) [и др.]. М. : Наука, 1985.
2. Фарафонова Л. Г. Система дипломатического подстиля и ее исследование на уровне текста : на материале современного немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. М., 1977.
3. Волкова Т. А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации : на материале английского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007.
4. Вебер Е. А. Опыт лингвистического исследования когнитивного диссонанса в английском дипломатическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Иркутск, 2004.
5. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов : сб. науч. ст. / И. Ф. Ухванова-Шмыгова [и др.] ; под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск : Технопринт, 2002.
6. Ковалев А. Н. Азбука дипломатии. М. : Междунар. отношения, 1984.

Поступила в редакцию 7.03.2013

УДК 81'42:001.891.57

ДИСКУРС КОНФРОНТАЦИИ-СОПЕРНИЧЕСТВА В АСПЕКТЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ

О. А. Туркина

В статье исследуется дискурс конфронтации с позиций современной лингвистики дискурса и его моделирования как способа увидеть это комплексное явление в его прототипической целостности и функциональной вариативности. Автор делает историко-теоретический обзор значимых работ в области исследования конфликта и конфронтации, приводит наиболее признанные определения конфликта и смежных ему понятий ученых гуманитарного исследовательского дискурса. Объект рассмотрения – дискурс конфронтации-соперничества, исследуемый на материале телевизионной игры «Последний герой 1», в котором репрезентирована модель современного общества с его интересами, ценностями и целями, основной частью которой являются субъекты конфронтации с их картинами мира и поведенческими установками.

The article is devoted to an actual problem of the confrontation and rivalry discourse research from the position of the modern discourse linguistics and considering modeling as the principal means to understand this complex phenomenon both in its typical

integrity and in its functional variety. The article comprises a historical and theoretical survey of the most significant works in this scientific field. The most recognized definition of conflict and confrontation are considered here and the way how they are correlated with other close concepts is given. The research object is confrontation and rivalry discourse studied on the material of the reality show "The Survivor 1" reflecting peculiarities of the contemporary society and contemporary confrontation subjects possessing their own worldview and behavior pictures.

Ключевые слова: конфликт, конфронтация, соперничество, структура, структурно-функциональная модель, функциональная модель, дискурс-модель, дискурс-картина мира.

Key words: conflict, confrontation, rivalry, structure, structural and functional model, functional model, discourse model, discourse world view picture.

Введение. Конфликт входит в поле изучения практически всех наук, объектом исследования которых является, с одной стороны, общество и общественный строй, с другой – индивид как элемент общества. Конфликт – одно из самых распространенных понятий в научной литературе по философии [1; 2; 3], социологии [4; 5; 6; 7; 8], политологии [9; 10; 11], конфликтологии [12; 13; 14], психологии и лингвистике [15; 16; 17]. Однако данное понятие не однозначное, в науке нет еще такого определения, которое охватило бы все грани этого явления.

В то же время практически каждая гуманитарная наука фокусирует свое внимание на определенных аспектах конфронтации, исследуя их структуру, функциональный и типологический компоненты, разрабатывает собственную методику исследования. Современная научная парадигма исследования конфронтации использует предыдущие научные наработки в изучении конфликта, а также обогащает, совершенствует исследовательский инструментарий с учетом тех изменений, которым подверглось общество в целом и индивид в частности. Таким образом, чтобы получить комплексное видение такого сложного явления, как конфронтация, необходимо не только определить его структуру и описать особенности ее репрезентации, но и смоделировать данное коммуникативное явление.

Цель статьи состоит в обзоре трудов ученых, чьи достижения в данной области наиболее значимы. Мы попытаемся выявить основные категории конфликта, на которых исследователи концентрировали свое внимание и которые легли в основу их дефиниций и моделей этого явления.

Основная часть. Первые попытки осмыслить природу конфликта принадлежат древнегреческим философам Гераклиту [18], Эпикуру [19], Платону [20], Аристотелю [1]. Они пришли к выводу, что конфликт неизбежен в любом сообществе людей, которые осознали свою социальную сущ-

ность, которым свойственна воля, эмоции и осмысление своего поведения. Далее теория конфликта получила свое развитие в трудах Н. Макиавелли [3] и Т. Гоббса [2]. Они признавали, что конфликт присущ любому обществу, в котором существует социальная стратификация, и что он имеет свои причины и следствия. Причины конфликта — главным образом претензии на власть, почести, материальные блага, а его следствие — войны и распри. Н. Н. Талгофер приходит к выводу, что «сильнейшим катализатором конфликта является проблема лидерства, когда на одну позицию лидера претендуют несколько кандидатов» [21, с. 30]. Структурному анализу конфликта положил начало Т. Парсонс, разработавший структурно-функциональную модель конфликта как «систему структурных категорий, которые используются при рассмотрении динамики его развития, а связующим звеном между этими структурными категориями и динамическими переменными данной системы является функция конфликта в обществе» [7, с. 3—43]. Одна из влиятельных теорий конфликта — диалектическая теория К. Маркса [8]. В его модели основой конфликта являются производственные отношения как основа всех общественных отношений. Основные субъекты данных отношений — эксплуататоры и эксплуатируемый класс. К. Маркс вывел и описал механизм возникновения и развития конфликта между ними и сформулировал условия революционной ситуации как следствия данного конфликта. Далее структурно-функциональный анализ конфликта получает свое развитие у Р. Дарендорфа [9]. В своей функциональной модели конфликта он сфокусировал внимание на системе ролей субъектов конфликта в системе властных отношений и классовом сознании как движущей силе, которая влияет на динамику развития конфликта.

Другое направление в исследовании конфликта — это конфликтный функционализм. Создателем данного направления считается Г. Зиммель [4]. Он пришел к выводу, что в «дифференцированных социальных системах, основанных на функциональной взаимообусловленности частей, менее острые конфликты усиливают интеграцию системы, а острые конфликты способствуют созданию коалиций между ранее не связанными группами» [4, с. 25]. Далее функционализм получил свое развитие у Л. Козера и Э. Тоффлера [5; 6].

Таким образом, в ходе истории исследователи выделяли в таком социальном явлении, как конфликт следующие аспекты: с одной стороны, конфликт — это процесс, конфронтационное взаимодействие субъектов со своими целями, интересами и мировоззрением; с другой стороны, конфликт — это результат, к которому данное взаимодействие приводит. На течение и исход конфликтного взаимодействия оказывает влияние социальный контекст (социальные условия) и социальная структура общества.

Такая деятельность выполняет определенные функции в обществе (конструктивные или деструктивные). Все характеристики конфликта тесно связаны и оказывают влияние друг на друга [5, с. 32]. Данная модель конфликта получает отражение в следующем его определении: конфликт — это «явное или скрытое противоборство объективно расходящихся интересов, целей и тенденций развития социальных субъектов, прямое или косвенное столкновение социальных сил на почве противодействия существующему общественному порядку, особая форма движения к новому социальному единству» [6, с. 54].

Определение данного явления ищет и наука о языке, речи, дискурсах, т. е. лингвистика. В языковой парадигме понятие «конфликт» актуализируется в таких концептах, как «конфронтация», «соперничество», «дискуссия», «дебаты», «противостояние», «противоборство», «противодействие», «спор», «ссора», «восстание», «переворот», «столкновение», «распри», «революция», «путч», «война». Данные явления — разновидности конфликта и различаются между собой формами существования, способами их проведения и целями сторон. Данные номинации конфликта образуют понятийное поле, в центре которого находится конфликт и конфронтация, определяющиеся разными источниками через понятия «противостояние», «столкновение», «противоборство». Являются понятия «конфронтация» и «конфликт» синонимами или нет? Р. Дарендорф считал, что они синонимичны [9]. Некоторые исследователи считают, что конфронтация и конфликт не могут, с одной стороны, рассматриваться как синонимы, а с другой — противопоставляться друг другу [22]. А. В. Дмитриев и В. Н. Кудрявцев полагают, что порожденная противоречиями конфронтация превращается в конфликт тогда, когда начинают взаимодействовать силы, являющиеся ее носителями. Таким образом, конфликт — «это проявление объективных или субъективных противоречий, выражающееся в противоборстве сторон» [22, с. 12]. Определение конфронтации, которое дает Большая советская энциклопедия, имеет следующий вид: «Конфронтация (франц. *confrontation* от лат. *cum* — ‘вместе’ и *frontis* — ‘лоб, фронт’) — это противоборство, противопоставление (социальных систем, классовых интересов, идейно-политических принципов и др.); столкновение» [23, с. 248–249].

Как видно из определений и конфликта, и конфронтации, в основе обеих дефиниций лежит понятие «противоборство», «противостояние», однако «конфронтация» более широкое понятие, включающее в себя знание не только об источнике разногласия, но и о ситуации, в которой находятся конфронтационные силы, и о способах и средствах, мобилизуемых каждой из сторон. Конфронтация и конфликт, согласно М. Э. Ренц, находятся в «причинно-следственных отношениях: конфликт возникает

тогда, когда некоторый фактор провоцирует конфронтацию внутри общества, которая приводит к неприятию позиции других членов социального коллектива» [24, р. 149]. Согласимся с авторами, которые считают, что конфликт и конфронтация — это одно и то же.

С понятиями «конфликт» и «конфронтация» тесно связано понятие «соперничество». Словарь-справочник по психоанализу определяет соперничество как «взаимоотношения между людьми, характеризующиеся состоянием явной или скрытой борьбы за власть, любовь, престиж, признание, материальное преуспевание, реализацию внутреннего потенциала человека» [25, с. 231]. Согласно словарю конфликтолога, соперничество — «стратегия поведения оппонента в конфликте, состоящая в ориентации на свои интересы, в навязывании другой стороне предпочтительного для себя решения, открытой борьбе по реализации своих интересов» [26, с. 127]. В словаре психоаналитических терминов и понятий соперничество определено как «действие, направленное на борьбу за право обладать объектом и тем самым на уравнивание или улучшение собственной позиции по отношению к сопернику» [27, с. 203].

Приведенные определения соперничества отражают основные характеристики, свойственные конфликту и конфронтации. Во-первых, цели, мотивы, которыми могут быть обладание материальным объектом, любовью и признательностью других людей, престиж, реализация собственных интересов. Во-вторых, на данные ценности претендует еще кто-то, следовательно, существует противник, соперник, с которым надо бороться. Но соперничество как тип конфликта рассматривается прежде всего в качестве деятельности, формы конфликтного поведения. Поскольку форматы и жанры данного типа дискурса достаточно разнообразны, для того чтобы предложить конкретные модели и изучить его глубже, необходимо сузить наш исследовательский объект.

Объектом нашего исследования является особый тип дискурса — дискурс конфронтации-соперничества, определяемый как процесс противостояния субъектов со своими целями, интересами, культурными ценностями и дискурс-картинами мира (далее — ДКМ). И это — результат, к которому данный процесс приводит. На течение и исход конфронтационного взаимодействия оказывает влияние социальный контекст (социальные условия) и социальная структура общества. Субъектам конфронтации присуще особое видение мира в данном контексте соперничества и борьбы, которое актуализируется в их ДКМ и манифестируется транслируется посредством их дискурсий адресату [28].

Нашей гипотезой является следующее: дискурс конфронтации-соперничества — это противостояние субъектов, которое проявляется в противостоянии их миров. Их миры отражены в их картинах мира и экс-

плицируются в их языковых картинах мира. Контекст противостояния и борьбы определенным образом воздействуют на видение соперниками мира и его структурную организацию в их сознании. Поэтому основной дискурс-категорией, вокруг которой организован дискурс конфронтации-соперничества, является дискурс-картина мира. Под дискурс-картиной мира с позиций каузально-генетической теории понимается «познание (процесс и результат) взаимосвязи и взаимозависимости структур объективной реальности в их иерархии и значимости для субъекта, воплощенное в тексте» [28].

У субъектов конфронтации актуализируются те дискурс-картины мира, которые репрезентируют их представление о них самих и их правильном поведении в данном типе дискурса, помещая на иерархически более высокие уровни эти референтные элементы. Манифестация этих элементов определяет специфику этих дискурс-картин мира. Структурированные и категоризированные дискурс-картины мира транслируются адресату. В свою очередь адресат воспринимает эти ДКМ через их репрезентацию в речи адресанта. В ходе исследования дискурс-картин мира субъектов конфронтации, подвергая их дальнейшей операционализации, выявляются тематические дискурс-категории, сопоставив которые устанавливаются особенности референтного содержания каждого из участников противоборства, которые в свою очередь определяют особенности их ДКМ и, наконец, становится возможным сопоставление их моделей дискурса конфронтации в целом. Таким образом, в центре нашего внимания находятся ДКМ соперничающих сторон. ДКМ взаимосвязаны и определяют их речевое поведение, которое также является категорией дискурса, но в данном исследовании остается на периферии нашего внимания.

Интересным с научной точки зрения представляется исследование дискурса конфликта, на котором основаны и построены многие передачи СМИ, например общественно-политические («К барьеру!»), социальные («Слово за слово») и развлекательные ток-шоу («Дом-1», «Дом-2», «За стеклом», «Последний герой»). Для нас интерес представляет специфика репрезентации конфликта на материале телешоу «Последний герой 1», которое является ярким образцом дискурса конфронтации-соперничества, порождаемого ситуацией общения и целевой установкой всех участников данного общения. Что бы ни делали участники, для них важна победа над другими, а в конце игры — над другим, ибо победа — формула успеха, она приносит с собой богатство, успех, внимание окружающих, а победителя выбирают путем голосования соперников, что делает данный материал наиболее интересным для исследования и открывает широкие перспективы для прикладного применения результатов данного исследования. Таким образом, в современных условиях социального бытия, с современной системой целей, интересов и ценностей человека,

наблюдается повышенный спрос обывателя к подобного рода шоу, с одной стороны, и стремление современных СМИ удовлетворить этот спрос, создавая циклы шоу, основанных на принципе «добейся успеха в борьбе!», с другой стороны. Это заставляет нас как исследователей дискурса конфронтации задуматься над тем, что сегодня дискурс конфронтации актуализируется особенно ярко в таких типах дискурса, как дискурс соперничества, дискурс успеха и дискурс самоидентификации.

Заключение. В результате анализа ДКМ двух финалистов — победителя и участника, занявшего второе место, мы выявили в качестве основной дискурс-категории в их ДКМ категорию саморепрезентации. Победитель репрезентирует себя как часть коллектива, через «Мы»-кате­го­рию, в то время как проигравший ему соперник подает себя индивидуально, через «Я»-кате­го­рию. Таким образом, в данной телевизионной передаче «коллективистская» самоидентификация больше способствует победе, чем «индивидуалистическая». Данный вывод верифицирует и подтверждает разработанную психологами теорию социальной идентичности и самокатегоризации (Дж. Тэрнер) [29]. Согласно этой теории индивид в ситуации конфронтации в первую очередь идентифицирует себя, идентифицирует «другого» и на основании происходящего социального сравнения определяет, по какому пути — кооперативному или конкурентному — будет структурировать его взаимодействие с соперниками [16, с. 126]. Исследование современного дискурса конфронтации с учетом современного социального контекста и современного субъекта конфронтации с его восприятием современных реалий позволяет не только вскрыть механизм данного типа дискурса, но и изучить актуальные сегодня модели речевого поведения в их функциональной представленности, т. е. в их рождении, развитии, принятии за образец, идеал, высшее достижение. Актуально использование широкого, системного подхода, интегрирующего максимально полно все категории, в котором проявляется конфронтация. Моделирование дискурса конфронтации как метод его исследования открывает широкие возможности для удовлетворения этим требованиям, используя драгоценный опыт предыдущих исследований, обогащая новыми открытиями и обращая результаты этих исследований на пользу обществу.

Библиографические ссылки

1. *Аристотель*. Политика // Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 372—432.
2. *Гоббс Т.* Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Избр. соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1991. Т. 2. С. 253—259.
3. *Макиавелли Н.* Государь // Избр. произведения. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 352—355.

4. *Зиммель Г.* Философия культуры // Избранное : в 2 т. М. : Юристь, 1996. Т. 1. С. 11–39.
5. *Козер Л.* Функции социального конфликта. М. : Идея-пресс, 2000.
6. *Тодфлер Э.* Смещение власти: знание, богатство и принуждение на пороге XXI века. М. : Изд-во АН СССР, 1991.
7. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М. : Акад. проект, 2000.
8. *Маркс К.* К критике политической экономии // Соч. : в 30 т. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1959. Т. 13. С. 5–11.
9. *Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // Социол. исслед. 1994. № 5. С. 141–142.
10. *Запрудский Ю. Г.* Культура конфликта (к особенностям российской конфликтологии) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2002. № 4. С. 74–87.
11. *Глухова А. В.* Политические конфликты: основания, типология, динамика : монография. М. : Эдиториал УРСС, 2000.
12. *Бабосов Е. М.* Конфликтология : учеб. пособие. Минск : ТетраСистемс, 2000.
13. *Вейнгольд Ю. Ю.* Конфликт – норма жизни на пороге третьего тысячелетия // Социальные конфликты: многообразие, пути и способы преодоления. 1993. Ч. 1. С. 11–34.
14. *Вишнякова Н. Ф.* Конфликт – это творчество: Тренинговый практикум по конфликтологии. Минск : ПолиБиз, 1996.
15. *Леонтьев А. Н.* Образ мира // Избр. психол. произведения : в 2 т. М. : Педагогика, 1983. Т. 2. С. 251–261.
16. Ведение политических дискуссий (Психологический анализ конфликтных выступлений) / Т. Н. Ушакова [и др.]. М. : Академия, 1995.
17. *Бубнова И. А.* Индивидуальные особенности интеллекта как причина коммуникативного сбоя // Коммуникативные стратегии: Материалы докладов междунар. науч. конф., Минск, 28–29 мая 2003 г. Ч. 2. / Минск. гос. лингв. ун-т. Минск, 2003. С. 5–8.
18. *Гаспаров М. Л.* Занимательная Греция: Рассказы о древнегреческой культуре. М. : Новое литературное обозрение, 2004.
19. *Гусейнов А., Иррилиц Г.* Краткая история этики // Этические учения эпохи упадка рабовладельческого общества. М. : Мысль, 1987. С. 149–153.
20. *Платон.* Государство. СПб. : Логос, 1863.
21. *Thalhofer N. N.* Intergroup differentiation and reduction of intergroup conflict // Small group research. 1993. № 24 (1). P. 28–43.
22. *Дмитриев А. В., Кудрявцев В. Н.* Введение в общую теорию конфликтов: Юридическая конфликтология : в 2 ч. М. : РАН Центр конфликтологических исследований, 1993. Ч. 1.
23. Конфронтация // Беларус. сав. энцыкл. 3-е изд. М. : Сов. энцикл., 1973. Т. 13. С. 248–249.
24. *Renz M. A., Greg B. J.* Effective small group communication in theory and practice. Massachusetts : Allyn & Bacon Pearson Education Company, 2000.

25. Лейбин В. Соперничество // Словарь-справочник по психоанализу. М. : АСТ, 2010. С. 231.

26. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Соперничество // Словарь конфликтолога. 2-е изд. СПб. : Питер, 2006. С. 127.

27. Мур Б. Э., Фаин Б. Д. Соперничество // Психоаналитические термины и понятия : словарь. М. : Класс, 2000. С. 203.

28. Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов : в 6 вып. / Белорус. гос. ун-т ; под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск : ИЦ БГУ, 2009. Вып. 6: Политическое поле Беларуси глазами дискурс-аналитика.

29. Тернер Д., Оукс П., Хэслем С., Дэвид В. Социальная идентичность, самокатегоризация и группа // Иностранная психология. 1994. № 2(4). С. 8–17.

Поступила в редакцию 27.02.2013

УДК 81'255.2

ПРИНЦИПЫ ПЕРЕВОДА ЕВАНГЕЛИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Т. А. Фомичева

В статье автор рассматривает основные подходы к переводу Библии вообще и на китайский язык в частности, выделяет достоинства и недостатки каждого из подходов (теория динамической эквивалентности Юджина Найды и теория «сущностно буквального» перевода Уэйна Грудема), а также приводит принципы, на которых должен основываться перевод евангелических текстов. Исходя из положения, что концептуальные различия в китайской и европейской моделях мира велики, автор утверждает о необходимости знания не только языка перевода, но и модели мира, истории, мифологии духовного наследия Китая, а также умения правильно оперировать богословскими терминами.

The author considers the main approaches to the translation of the Bible in general and into the Chinese in particular, highlights the advantages and disadvantages of each approach (theory of dynamic equivalence by Eugene Nida and the theory of “essentially literal” translation by Wayne A. Grudem), and specifies principles on which a translation of evangelical texts should be based. On the assumption of the statement that the conceptual differences in the Chinese and European models of the world are great, the author argues the need to know not only the target language, but also the model of the world, history, mythology, spiritual heritage of China, as well as have skills to operate with theological terms properly.